

ЮДОФОБИЯ: СУММА ЗОЛ

Людмила Гатагова
Институт российской истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

ФОРМЫ ЭТНИЧЕСКИХ АНТАГОНИЗМОВ	2
КАТАЛИЗАТОРЫ ЭТНОФОБИЙ	4
ПОГРОМНАЯ СМУТА	8
ПРИРОДА ЗЛА.....	21
ПРИМЕЧАНИЯ.....	25

«Жид должен быть жидом, а не паном»

Крестьяне Таврической губернии.

В 1881 г. Российская империя столкнулась с чудовищным по своим масштабам проявлением массовой этнофобии. Речь идет о грандиозных погромах, прокатившихся по западным и юго-западным губерниям государства после убийства народовольцами Александра II 1 марта 1881 г.

ФОРМЫ ЭТНИЧЕСКИХ АНТАГОНИЗМОВ

Термин «этнофобия» трактуется в словарях, как психология, идеология, политика и социальная практика, связанная с признанием исключительности своей этнической общности, враждебностью к другим национальностям (1). Враждебность проистекает из складывающихся на протяжении десятилетий (или столетий) стереотипов национальной неприязни. Негативная роль таких стереотипов сказывается в том, что, при определенных внешних обстоятельствах, они способны если не разжигать, то усиливать проявления этнофобий. Этнофобия персонифицирует зло по этническому признаку. Антисемитизм – самый наглядный пример персонифицированного «зла». Охваченные чувством этнофобии люди даже в стихийном бедствии, неурожае или несчастном случае (т.е. явлениях совершенно объективного порядка) склонны усматривать злой умысел.

Погромы – феномен, «привычный» для России (впрочем, как и само слово, скалькированное на другие языки мира и растиражированное в своем первоизданном виде – pogrom) (2). В одном только XIX в. крупные погромы вспыхивали в 1821, 1849, 1859, 1862, 1871 гг. А самый первый известный по летописи погром датируется десятым веком.

Насилиям над евреями, систематически совершавшимся в разных уголках Российского государства на протяжении столетий, за редкими исключениями, был свойствен локальный или эпизодический характер. А в тех случаях, когда имели место крупные, массовые погромы, они все же не выплескивались за пределы волости, уезда, губернии или отдельного города. Даже самый мелкий и незначительный погром не проходил бесследно – ни для жертв, ни для погромщиков. Жертвы расплачивались имуществом, здоровьем, иногда и жизнью – но всегда – непоправимой психологической травмой. Зачинщиков и участников погромов могли подвергнуть судебному разбирательству (впрочем, большинству обычно удавалось остаться безнаказанными). Но чья-то личная расплата за содеянное не шла ни в какое сравнение с ущербом, причиняемым целым поколениям.

Этот ущерб состоял в поражении менталитета народа глубокой патологией, проявляющейся в склонности к стихийному, коллективному насилию, «бессмысленному и беспощадному». Такое поражение сродни действию мышьяка в микроскопических дозах. Неудивительно, что в массовом сознании внезапные, немотивированные выплески коллективной агрессии стали восприниматься, как норма. А уж поводы в недрах социальной и политической жизни империи всегда отыскивались.

Ю. Гессен писал: «Когда в 1871 г. произошел в Одессе трехдневный погром евреев, от которого пострадало 863 дома и 552 торговых заведения, местная администрация и общество, злорадствуя, любовались картиной разрушения и поощряли насильников к грабежу» (3).

Однако одесские бесчинства, как вскоре выяснилось, оказались лишь прологом к гораздо более масштабным событиям 1881 г., имевшим колоссальный резонанс в российском обществе и за пределами империи.

Вспыхнув ранней весной, погромы продолжались до конца 1881 г. Пик их пришелся на весенне-осенние месяцы. Но и в следующем году, и ещё через год погромная стихия продолжала вспыхивать с новой силой: спад наступил только к 1884-му году.

подавляющее большинство погромов зафиксировано в Херсонской, Екатеринославской, Киевской, Полтавской, Черниговской и Варшавской губерниях. Но погромное движение в той или иной степени охватило сопредельные и соседние губернии (Волынская, Сувалкская, Келецкая, Петроковская, Подольская, Ковенская, Бессарабская, Таврическая и др.) (4). Даже в отдаленных местностях Российской империи, включая и такие, где практически не было местечек, эхо погромов отозвалось учащением расправ с евреями и грабежей их имущества.

КАТАЛИЗАТОРЫ ЭТНОФОБИЙ

Формальным поводом к погромам стал факт убийства народовольцами царя-освободителя. После суда над террористами затухавшая было волна беспорядков вновь поднялась. Пресса и представители местных властей объясняли новый всплеск погромного движения возмущением народа итогами суда (речь идет о смягчении наказания для беременной Геси Гельфман – рядового члена народовольческой организации, хозяйки конспиративной квартиры на Тележной улице Санкт-Петербурга, где готовилось покушение).

Упорные слухи о том, что в трагической гибели монарха повинны евреи, стали распространяться по стране сразу же после гибели Александра II. Эти слухи и толки активно подогревались националистической печатью и быстро разносились по губерниям.

Пресса патриотического направления («Московские ведомости», «Киевлянин», «Новороссийский телеграф», «Новое время», «Русь» и многие другие) умело манипулируя состоянием всеобщего возбуждения и недовольства, своими тенденциозными материалами ещё больше разжигала враждебность народа к евреям. В накаленной ненавистью обстановке весны 1881 г. не доставало только легкого толчка, чтобы народ мгновенно перевоплотился в грозный инструмент насилия.

Уже на следующий день после гибели монарха «Виленский вестник» утверждал, что вина за происшедшее ложится на евреев. «Новое время» намекало, что второй умерший преступник имел «восточный тип и крючковатый нос». «Киевлянин» стал вразумлять читателя по поводу экономического вреда, наносимого евреями русскому человеку, и открыто призывал к борьбе с ними до победного конца. А «Новороссийский телеграф» 20 марта заговорил о предстоящем в Одессе избиении евреев, якобы оскорбивших самые лучшие чувства русского народа (5).

Поскольку средства массовой информации в России традиционно ассоциировались с Властью, любое печатное слово воспринималось обыденным сознанием не только как истина в последней инстанции, но и как официальный ретранслятор спущенных сверху директив. Возможно, эта черта национального характера обуславливалась тем, что, по наблюдению выдающегося русского физиолога И. Павлова, вторая сигнальная система, т. е. слово, всегда имела для русского человека приоритетное значение в сравнении с первой сигнальной системой (в сущности, реальная действительность).

Сами представители власти, признавая за газетами серьезное влияние на умонастроения масс, порою его все же недооценивали. Вот что, к примеру, писал екатеринославский губернатор в докладе министру внутренних дел: «Трудно сказать, что пресса вызвала беспоряд-

ки, а тем более, что вызвала умышленно: такую силу вряд ли можно признать за местными органами печати; но несомненно то, что сообщая разные нелепые толки о предстоящих беспорядках, местные органы печати действовали крайне бестактно и в значительной степени содействовали развитию тревожного настроения в народе...» (6).

А вот мнение одесского городского раввина, доктора Швабахера, прозвучавшее в записке, составленной для графа П.И. Кутайсова: «Скандальные газеты, стремившиеся уже целый год к этому идеалу их благородных желаний, увидели, что достижение его близко и, для того, чтобы на всякий случай обезопасить себя, стали давать лицемерные советы, что народ, мол, не должен бить евреев, хотя их вредная эксплуатация и заслуживает всевозможного наказания. Редактор, вероятно, стоял когда-нибудь в прихожей дипломата» (7).

Провоцирующая роль правой прессы сказалась прежде всего в том, что постоянное муссирование еврейской темы в негативном контексте подспудно внушало массам очень простую и очень опасную мысль: *всё! дозволено*.

Слухи о предстоящих в пасхальные дни погромах стали распространяться ещё с марта 1881 г. Обеспокоенные этими слухами власти приняли (по их собственному утверждению) соответствующие меры безопасности. И хотя в документах эти меры именуются усиленными, факты показывают совершенно обратное.

Кто разносил слухи и каким образом все это происходило? Сохранилось много документов, описывающих конкретные ситуации. Вот пример: в деревню Антоновка Таврической губернии прибыл крестьянин Федор Татарчук и, созвав народ, объявил, что он-де царский посланник из тайной полиции и послан для уничтожения имущества евреев. Лишь получение от еврея-шинкаря двадцати копеек и распитие кварты водки, но прежде всего, нерасположенность к погрому местных жителей, предотвратили беспорядки (8). Тогда обошлось, но

стных жителей, предотвратили беспорядки (8). Тогда обошлось, но спустя некоторое время в Антоновке все-таки произошел погром.

В селе Малая Знаменка Таврической губернии призыв расправиться с евреями был наклеен на церковную ограду. Он начинался с обращения «Православные христиане! Пора бы нам отомстить жидам...» и убеждал прихожан в необходимости расправы: «Возьмемся и мы за это доброе дело и с божьей помощью сбросим с шеи этих Богом проклятых Иродов. Готовься ребята!!» (9).

Увы, но и служители культа порою не гнушались соучастием в столь богопротивных деяниях, как подстрекательство к погромам. В местечке Южинты Ковенской губернии ксендз Руткевич, собрав при помощи сотского своих прихожан, призвал их объединиться и дать евреям недельный срок для выселения из местечка. В противном случае он пригрозил применить силу. Любопытно, что, наблюдая за действиями ксендза, один из местных жителей резонно заметил: «Если Правительство не гонит евреев, то какое же право имеют на это крестьяне» (10).

А в селе Пологи Екатеринославской губернии местный священник Кретинин, постоянно увещевавший крестьян, в критический момент, когда в окрестных селах уже бушевали погромы, объявил, что облачится в ризы и станет с крестом перед первым же еврейским домом, на который сделано будет покушение. Этим он остановил толпу (11).

Первые три дня праздников прошли относительно спокойно. Однако уже на четвертый день, 15 апреля, на базаре в городе Елисаветграде Херсонской губернии, произошли столкновения между христианским и еврейским населением. Собственно, с этих мелких стычек все и началось.

ПОГРОМНАЯ СМУТА

Накануне елисаветградского погрома в местной газете активно обсуждались многочисленные толки о якобы происшедшем в губернии ритуальном убийстве.

Непосредственным толчком к погрому стала стычка между шинкарем Грегговским и посетителем из-за разбитого стакана. Завязалась драка, которая очень скоро переросла в массовое побоище. Находившийся на месте пристав не смог остановить избиение.

Очень скоро беспорядки вспыхнули в других частях города и в городских предместьях: «...толпа со свистом и криком бросилась в погоню за убегающими евреями, разбивая по пути в еврейских лавках стекла». На рынке «началось разбитие лавок, выбрасывание вещей и товара на улицу и вообще уничтожение всякого, попадавшегося под руку еврейского имущества» (12).

Местным полицейским силам удалось прекратить избиение евреев и разгром лавок. Но к вечеру огромная толпа собралась у синагоги и стала бить стекла в окнах.

Патрули под командованием унтер-офицеров, состоявшие из нескольких человек, безуспешно пытались пресечь беспорядки. Им мешало, по их признанию, сразу несколько обстоятельств: «как полнейшее отсутствие полиции в местах производившихся беспорядков, так и не получение наставлений, как действовать, так и скопление массы зрителей из числа даже образованных и состоятельных классов – дам, женщин с грудными детьми и малолетних детей, против которых офицеры не решались употребить силу» (13).

На следующий день беспорядки возобновились по всему городу. Они сопровождались разгромами лавок и массовыми избиениями евреев. Брошенные на усмирение погромщиков отряды полиции и взво-

ды Юнкерского училища явно не справлялись с разошедшимися не на шутку толпами. Городские полицейские чины смогли лишь выставить на въезде в город пикеты, чтобы не допустить усиления погромных скопищ жителями окрестных деревень, которые уже заполнили все близлежащие дороги. Прибывший к вечеру Уланский полк утихомирил погромщиков. Полиция обнаружила на окраине труп еврея Золотарева. Было арестовано 400 человек. Наутро в город вошли регулярные войска.

Итак, Елисаветград оказался «точкой отсчета». Здешние беспорядки стали катализатором дальнейших событий...

17 апреля погромы произошли и в близлежащих селах и деревнях Александрийского, Елисаветградского и Ананьевского уездов Херсонской губернии. В деревне Марьевка Александрийского уезда подстрекательством крестьян занимались волостной писарь Севастьян Лещенко и сельский староста Егор Фабрика. А когда погром начался, староста воодушевлял народ словами «пей, бей, я за все отвечаю» (14).

В уездном городе Ананьеве мещанин Игнат Лещенко провоцировал людей рассказами, что евреи убили царя и об их избиении уже издано правительственное распоряжение. Лещенко был арестован, но толпа силой освободила его: «Гул и треск выбрасываемого имущества возвестили городу о начале погрома» (15).

Население местечка Березовка чрезвычайно взволновалось слухами о предстоящем всеобщем избиении евреев. Когда на рынке произошла ссора между торговками, она мгновенно переросла в потасовку. Тут же толпа кинулась к еврейским лавкам, ожесточенно круша все на своем пути. Воздух огласился призывами «бить жидов, убивших нашего царя». Вспыхнули пожары. Лишь по прибытии сотни казаков удалось рассеять толпу. В результате погрома было разорено 159 домов, 17 лавок и 11 погребов. Ущерб составил 450 тыс. руб (16).

Известие о происшедших погромах сразу же разнеслось по окрестным губерниям. Крестьянин Федор Лысый, прибыв в поселок Крюков, рассказывал в питейных заведениях, что евреев в Елисаветграде избивают и это остается безнаказанным, «так как Государь император евреев не любит и приказ – “стрелять по русскому народу” солдатам дан не будет».

Солдат запаса Ланько, разговорившись на базаре в Кременчуге с рабочими, охотно живописал им и окружающим подробности елисаветградского погрома, пока не был схвачен местными городскими и препровожден в участок (17).

Начавшиеся 20 апреля стихийные столкновения в Кишиневе были вовремя пресечены усилиями городского полицмейстера. Все обошлось лишь потасовками между евреями и русскими, в которых пострадали двое участников с обеих сторон (18).

26 апреля беспорядки вспыхнули в Киеве: была сожжена синагога в Демиевке, разгромлены лавки, питейные заведения, школа, дома и квартиры евреев. Беспорядки продолжались ещё два дня: 28 апреля толпа ринулась громить пивоваренный завод Бродского. Прибывшие полицейские отряды вынуждены были стрелять. В перестрелке погибла одна женщина и были ранены четверо погромщиков. Отряд, прибывший для усмирения бесчинств, был встречен градом камней, кистенями. По приказанию начальника отряда Морозова, пришлось прибегнуть к оружию (19).

Киевские власти арестовали более 200 человек. Началось следствие (20).

В местечке Жмеринка Киевской губернии перед началом беспорядков 27 апреля плотник рабочей артели при железнодорожном вокзале Глазков поил рабочих водкой. Выйдя из кабака, члены артели принялись бить окна еврейских домов. Затем начали громить лавки,

уничтожать имущество. Когда погром был в самом разгаре, прибыли 20 солдат для прекращения беспорядков. Разъяренная толпа кричала: «Евреи убили покойного царя, а толстобрюхая жиловка, виновная в цареубийстве, не была повешена и будет освобождена евреями, с которыми народ должен расправиться сам» (21).

По мере разрастания погромов народная уверенность в виновности евреев за убийство императора только крепла. В начале мая по всей Либаво-Ровенской железной дороге от Гомеля до Ровен появились подписанные анонимами рукописные призывы к «искоренению ненавистного жидовского племени» с указанием дат предстоящих погромов (22).

В местечке Раснополе Киевской губернии отставной рядовой Василий Чапчарук 30 апреля убеждал население в том, что лично слышал, как полицмейстер читал приказ Государя, позволяющий бить евреев и разорять их имущество, так как, мол, русским людям нет от них житья (23).

В ходе погрома в городе Николаеве Херсонской губернии пьяный чернорабочий был пойман с прокламациями, в одной из которых содержался призыв к «христолюбивому воинству» с увещеванием не заступаться за евреев (24) Там же, в селе Никольском власти арестовали крестьянина Ивана Гайдукова, призывавшего не только к избиению евреев, но и к неповиновению властям (25).

В местечке Смела Киевской губернии был задержан Иван Цыбуля, распространявший среди рабочих Яблоновского сахарного завода слухи о предстоящем нападении не только на евреев, но и на панов и поляков (26). В селе Верещаки неизвестный, потчужа крестьян водкой в корчме, призывал их резать «жидов и панов» (27).

Подстрекательством занимались люди из разных социальных групп. Скажем, на станции Фундуклеевка в подстрекательстве к по-

громам и открытой антиправительственной пропаганде уличили помощника директора Александровского сахарного завода Фоменко и местного телеграфиста Шкляренко (28).

В крупных городах призывы к погромам распространялись в виде плакатов и листовок. В Варшаве редактор журнала «Niwa» передал 30 апреля в полицейский участок обнаруженный им плакат на польском языке, в котором содержался призыв устроить в воскресенье 3 мая «резню евреев». Подобные плакаты с воззваниями изгнать из Варшавы всех евреев и навсегда освободиться от них, заполонили весь город (29).

Из-за пущенных в городе слухов об отравлении евреями воды в колодцах, 29 апреля вспыхнула ожесточенная драка, в которой принимали участие дети, а также мастеровые фабрики Мельпопа, Рау и К (30).

Активными разносчиками слухов о погромах были богомольцы, ямщики, железнодорожные рабочие, раздувавшие молву до полной нелепицы. В городе Верхнеднепровске Екатеринославской губернии из уст в уста передавалось, что «Государь Император, уезжая будто бы в чужие края, повелел до его возвращения избивать всех евреев». Эту «новость» в городе распространяли следовавшие из Киева по своим домам рабочие (31).

В селе Яблоновка Киевской губернии крестьянин Андрей Зелинский пришел к еврею Браинскому и продемонстрировал ему лоскуток бумаги с угрозами не только в адрес евреев, но и тех христиан, которые не поднимаются на борьбу с ними. Таковые априорно обвинялись в подкупе их евреями (32).

Пропаганда против евреев продолжалась и в разгар погромного угара, очевидно, для стимулирования масс. Казак Федоряка, содержатель питейного дома в Ивангороде Черниговской губернии, 9 августа

поил клиентов водкой и подговаривал бить евреев. На следующий день толпа в 300 человек собралась на базарной площади...(33).

Полтавский губернатор в докладе министру внутренних дел от 4 августа 1881 г. сообщал об обнаруженном на двери лавки купца Таранова в г. Константинограде воззвании следующего содержания: «Почтенная публика. Прошу обратить внимание. Довольно нам терпеть. Надо уже этих проклятых евреев бить...» (34).

Юдофобы в разгар погромов всячески изощрялись в демонстрации своих чувств. Едва ли не самой частой формой были угрозы. Можно сказать, что все еврейское население империи жило в атмосфере нескончаемых угроз. 7 мая два жителя посада Скальбмерж Келецкой губернии, схватив за горло еврея Давида Москевича, высказали сожаление по поводу покупки им дома и пообещали при удобном случае убить его (35). Помимо угроз, в ход пускались и оскорбления. Вечером 2 мая в г. Плонске Плоцкой губернии работники местной аптеки В. Кржиминский и А. Подбельский оскорбляли гуляющих по улице евреек и обливали их платья серной или купоросной кислотой (36).

В польских губерниях особенно часто происходили стычки на улицах и драки. Они вспыхивали по малейшему поводу. В Варшаве 27 июля драка между двумя рабочими-литейщиками и шестью евреями произошла из-за того, что евреи не уступили полякам дорогу (!) (37).

В эти месяцы участились кражи и ограбления евреев, поскольку атмосфера всеобщей юдофобии порождала ощущение полной безнаказанности. В Варшаве 5 июля группа мальчишек (около 60-ти человек) набросилась на большой ручной воз с фруктами, принадлежавший еврейке С. Хиритштейн и принялась растаскивать товар (38).

Юдофобской истерией в обществе в своих личных интересах активно пользовались нечистые на руку люди, мошенники и воры, провокаторы. Так, крестьянин деревни Заверце Келецкой губернии То-

маш Пента, прихватив в лавке евреев Вермана и Диманда товар, на требование уплатить выбежал из лавки с криком «бить евреев» (39). А в местечке Тузор Бессарабской губернии мещанин Иван Иванов распространил слух о ночевавшей в его доме шайке из 30-ти злоумышленников, якобы обещавших не избивать евреев, если они заплатят в качестве отступного 300 рублей. Обман, однако, вскрылся, и местные власти приговорили Иванова к аресту на десять суток (40).

Погромы практически повсюду сопровождались актами вандализма. К примеру, в имении Белогорье Екатеринославской губернии, принадлежавшем еврею Островскому, при погроме 6 мая были выломаны все окна и двери, разобрана печь, уничтожена мебель, испорчены локомобили и все хозяйственные орудия, экипажи приведены в полную негодность (41). Неуправляемые толпы крушили квартиры и дома, разбивали сараи, разграбляли винные склады и лавки, разоряли имущество, унося с собой деньги, вещи, предметы обихода, запасы зерна и хлеба, водку (42).

Несмотря на то, что погромная стихия распространялась подобно эпидемии, беспорядки разразились все же не повсеместно. Где-то их сумели предотвратить местные власти, где-то – сами жители. Иногда вполне здравые попытки не допустить погрома оборачивались неправомерными действиями. В частности, мещане города Лубны Полтавской губернии (около сорока человек) избрали весьма радикальный способ предотвращения погрома. Они собрались 27 июля у городской управы, чтобы потребовать от властей удаления евреев из Лубен (43). Подобные требования поступали в местные органы власти из многих уголков Юго-западного края.

Частота погромов резко возрастала в дни религиозных праздников. Так было в апреле, во время празднования православной Пасхи, так же происходило в праздники Вознесения, Св. Троицы, и в католи-

ческие праздники. К примеру, 12 августа (в день Св. Варфоломея) в г. Сувалки одноименной губернии произошла крупная драка между поляками и евреями-торговцами. Поляки считали, что евреи не должны торговать в праздничный день, поскольку тем самым они демонстрируют неуважение к церкви. 20 сентября (ещё одна католическая дата) в д. Пентупе той же губернии имел место погром двух домов еврея Л. Вайнберга (44).

Но особенно вопиющий случай произошел в день католического Рождества в Варшаве 13 декабря. В костеле Св. Креста в Краковском предместье проходила торжественная служба, поэтому было очень многолюдно. Вдруг кто-то выкрикнул: «Пожар!». Началась паника, все бросились к выходу. В давке пострадало 100 человек (30 из них скончались). В толпе тут же распространился слух, что провокацию устроили евреи. Начался массовый погром. За три дня (с 13 по 15 декабря) было разграблено 589 лавок, 364 кабака, 761 частный дом и квартиры. Пострадало 23 человека (21 еврей и 2 поляка). Для прекращения беспорядков в Варшаве были вызваны войска. Власти немедленно приступили к следственным мероприятиям. Они арестовали 2837 человек, из них более 2000 отдали под суд. Следствие показало, что основную массу погромщиков составляли торговцы, приказчики, дворники, ремесленники, рабочие, женщины и более 160 несовершеннолетних детей (45).

Погромщики нередко оправдывали собственные бесчинства религиозной неприязнью. В г. Либаве Курляндской губернии толпа численностью в 300 человек ворвалась в лавку еврея Генцко. Заправила-латыш заявил, что лавочник убил христианина, и набросился на него и стал избивать. Генцко удалось схватить топорик для рубки сахара и ранить нападавшего (46).

Поведение еврея-лавочника, не растерявшегося перед напором толпы и сумевшего за себя постоять, было не совсем характерным. Евреи, конечно, оказывали сопротивление погромщикам, а иногда даже принимали ответные меры. В частности, в дни декабрьских погромов полиция застала на одной из улиц Варшавы настоящее баталище. Группа вооруженных поляков сошлась в жестокой схватке с группой евреев (их было около 20-ти и все они были вооружены до зубов) (47).

Однако большинство евреев даже не пыталось сопротивляться. Они старались скрыться, переждать погром в укромных местах. Бывало, что их прятали соседи и даже незнакомые люди.

Когда бушевал одесский погром, евреи, вооруженные топорами и кольями попытались вступить в схватку с нападавшими на них. Это ещё больше ожесточило буйствовавшую толпу, значительно превосходившую их по численности (48). Сопротивляться – означало подвергать смертельной опасности не только себя, но и беззащитных: женщин, стариков, детей.

А кто, собственно, в состоянии вступить в схватку с бушующей стихией? С тысячными толпами обезумевшей от погромного угара черни? Евреи, как могли, противостояли насилию. Порою наивно. Гимназист из Пинска Израиль Розенталь, сын купца 2-й гильдии, подбросил на железнодорожную станцию Шпалы письмо угрожающего содержания. Он писал, что в скором времени «евреи начнут жечь русские села и деревни» (49).

Весьма впечатляющую акцию устроили одесские евреи, которые 12 мая 1881 г. вышли на улицу (более 2-х тысяч человек), чтобы проводить в последний путь своего единовеца, умершего в больнице от увечий, нанесенных ему во время беспорядков 4 мая. Власти ожидали, что процессия направится на кладбище кружным путем, однако люди пошли по главным улицам. «Похороны были весьма торжественны,

с певчими и в сопровождении воспитанников сиротского дома», – отмечал полицейский чин в своем отчете. Безусловно, эта была настоящая манифестация. Опасаясь, что демонстрация спровоцирует в городе новые беспорядки, власти попытались уговорить евреев разойтись, но встретили упорное неповиновение (50).

Наибольшего размаха бесчинства в отношении евреев достигли в тех районах, где этому прямо или косвенно попустительствовали местные власти. Так, в селе Грузском Херсонской губернии волостной старшина объявил толпе: «Делайте, что хотите», а сам предусмотрительно выехал из села (51).

В селе Благовещенка Екатеринославской губернии старшина Холява поддержал погромщиков, а во время следствия покрывал зачинщиков погрома. За свои проступки он был немедленно снят с должности (52).

При наведении порядка у завода Бродского в Киеве прапорщик 41-го резервного пехотного батальона Николай Неминский открыто выражал несогласие с действиями властей. Он ударил кулаком по лицу рядового, поймавшего одного из погромщиков, и угрожал саблей околоточному надзирателю, который находился при исполнении своих обязанностей (53).

Но наблюдались и иные модели поведения местных властей. К примеру, в селах Субботины и Покровском той же самой Херсонской губернии старосты сумели пресечь начинавшиеся беспорядки и обеспечить арест зачинщиков (54).

В деревне Саловка, где погром уже произошел, крестьяне, по видимому напуганные угрозами старосты и сотского, ночью подбросили потерпевшим все награбленное у них имущество (оцененное в 4086 руб.) (55).

Остановить стихию не всегда удавалось. В деревне Григорьевка местный сотский приступил было к прекращению буйства и тогда толпа попросту избила его. Та же участь постигла старосту и сотского в местечке Витязевка Херсонской губернии.

В селе Подклитаровка увещевания старосты и волостного старшины не смогли остановить толпу. В городке Александрия Херсонской губернии вмешательство войск привело к тому, что толпа стала бросать в солдат камни и обзывать их «жидовскими наемниками» (56). А в местечке Борисполь Полтавской губернии бушующая толпа накинулась на военных. Погромщики, вооруженные косами, серпами, шворнями и кольями, избили офицера и сорвали с него аксельбанты. Остальных спасли казаки, которым пришлось применить оружие. В результате, в толпе было убито четверо и ранено двое (57).

Во время беспорядков в Киеве полиция зафиксировала множество случаев массового неповиновения. Толпа, напавшая 27 апреля на дом купца Фихтенгольца, оказала упорное сопротивление полиции и войскам (58). Поэтому часто для подавления беспорядков полицейские и военные обращались к оружию, как к единственному аргументу.

Когда силы порядка не справлялись с погромщиками, им нередко приходилось уступать. В городе Переяславле Полтавской губернии под давлением толпы пришлось выпустить из полиции задержанного за участие в беспорядках Филиппа Коцаря. В противном случае полицейским грозило самим оказаться в роли жертв (59).

Считается, что основной целью погромщиков, вооруженных палками, косами, серпами и кольями, являлось не физическое уничтожение евреев, а разграбление и уничтожение имущества лавочников, владельцев корчем и шинков, трактирных и питейных заведений, разорение купцов и богатых землевладельцев. Попутно громили дома. Нападению подвергались и частные квартиры, и синагоги. Но в от-

дельных случаях доходило и до избиений, нанесения тяжких телесных повреждений и даже убийств...

В разгар погрома в Борисполе Черниговской губернии толпа, накачавшись алкоголем, изъятым из разбитого шинка, вконец озверела: «...она вздумала уже резать евреев. Очевидцы говорят, что нельзя описать страшного вида этой расsvирепевшей толпы. Евреи, молча смотревшие на разрушение своего имущества, и ещё более их жены и дети, услышав, что их хотят резать, подняли плач и вой, который, смешиваясь с криками разъяренной толпы, производил страшное, потрясающее впечатление» (60). А вот ещё более жуткое описание погрома в селе Березняки Киевской губернии: «Целая толпа напала на дом арендатора и, уничтожив и разграбив все в нем находившееся, не найдя нигде самого арендатора, схватила отца его, старика более 80-ти лет, с остервенением набросилась на него, била его, требуя денег, и наконец покончила с ним ударом топора по голове» (61).

Среди погромщиков преобладали, в основном, крестьяне, однако в беспорядках принимало участие и казачество, и мелкий городской люд (приказчики, ремесленники, дворники, прислуга), и фабричные рабочие, и даже купцы и дворяне.

К примеру, в нападении на дома евреев вблизи железнодорожной станции Конотоп Черниговской губернии обвинялось 23 крестьянина, 8 казаков, 13 мещан, 3 нижних чина, 2 лица духовного звания и 2 дворянина (62).

А вот как выглядел социальный портрет участников крупного погрома в местечке Березань Полтавской губернии: 1 дворянин, 21 крестьянин, 23 казака, 1 солдатский сын, 1 отставной рядовой, 1 казачка, 1 солдатка и 4 крестьянки. Всего удалось выявить 53 погромщика (63).

В Нежине Черниговской губернии к ответственности за погромы были привлечены 54 человека: 22 мещанина, 6 крестьян, 1 отставной

унтер-офицер, 3 отставных рядовых, 3 рядовых запаса, 18 казаков и 1 канонир. Практически так же выглядел социальный состав погромщиков и в других местностях (в частности, в м. Ично, с. Дремайловка, с. Курия, с. Чернино Черниговской губернии, м. Березняки, с. Семёновка Полтавской губернии и мн. др.) (64).

В редких случаях в рядах погромщиков обнаруживались даже потомственные почетные граждане (как в селении Голть Херсонской губернии) (65).

В Журнале «Комитета об евреях» записано: «Как в селениях, так равно и в местечках и городах проживает всегда значительное число лиц, готовых принять участие не только в насилиях против евреев, но и вообще во всякого рода уличных беспорядках, потому только, что подобным лицам нечего от этого терять» (66).

Под «лицами» имеются в виду изгой общества (люмпены, бродяжки, преступники и прочие маргиналы, всегда вливающиеся в погром и становящиеся одной из его главных движущих сил.

Власти, напуганные размахом погромного движения, лихорадочно принимали меры. Практически в каждом городе, местечке, селе и деревне тотчас после погромов проводилось дознание и начиналось следствие. Иногда удавалось арестовать зачинщиков и участников погрома по горячим следам (67).

Сроки следствия были сокращены, после суда виновные немедленно отправлялись в тюрьму (68).

Но чаще найти виновных или подстрекателей не представлялось возможным. Население в массовом порядке покрывало зачинщиков, часто указывая на невиновных. В ходе дознания выяснялась их непричастность и их отпускали. И все же значительная часть погромщиков была наказана.

ПРИРОДА ЗЛА

В чем усматривала причины погромов сама власть? Если суммировать мнения жандармских начальников, губернаторов и правительственных функционеров, то наиболее часто повторялись следующие объяснения: неурожаи последних лет и ухудшение экономического положения крестьянства; убийство монарха; провоцирующая роль местной прессы; пропаганда социалистов-революционеров, невежественность масс. Но не менее часто звучали и такие объяснения, как «экономическое засилье» евреев, спаивание ими простого народа, «вредительская» их предпринимательская и коммерческая деятельность. Даже закрытость еврейских общин, их сплоченность и корпоративность ставились евреям в вину.

Сами евреи в докладной записке графу Кутайсову указывали на три группы причин, вызвавших погромы – национальная вражда, религиозная нетерпимость и экономическое соревнование. Вот что они писали о первой: «Национальная вражда русского населения против евреев, – как причина этого движения – лежит вне всякого сомнения и подтверждается тем, что потерпевшими от насилия явились одни только евреи без различия звания, общественного положения, степени благосостояния, рода занятий и, наконец, без различия пола и возраста» (69).

А вот слова из доклада министра внутренних дел, представленного в Департамент полиции: «Все происходившее было до такой степени странно и своеобразно, что, видя все это, самому себе не веришь. Рядом с зверством и безобразием видишь какую-то рабскую покорность и непонятное добродушие» (70).

Таковы факты и детали. Картина, складывающаяся из них, столь масштабна и тревожна, что ограничить объяснение только лишь злой

волей властей или провокацией, пусть даже самым тщательным образом спланированной в недрах охранительных ведомств, было бы и недостаточно, и неточно.

Сквозной просмотр архивных документов дает основание говорить о спонтанности, локальности, а весьма часто – и об очевидной непричастности к погромам местных властей. Более того, во многих случаях эти события заставляли власти врасплох. Погромы продолжали бушевать и в тех местностях, где абсолютно ничто не указывало на их внешнюю инспирацию. Можно, конечно, сослаться на стихию, законы толпы, принцип «снежного кома» и прочее. Но это была бы ссылка, но не вразумительный ответ на вопрос о природе столь грандиозного явления, как массовые погромы 1880-х гг.

Многие факты свидетельствуют о том, что явление было иррациональным. И уже одно это исключает возможность его логического объяснения с точки зрения социогенетики. Здесь скорее уместен *этологический* подход, взгляд с позиций науки о поведении биологических и социальных особей.

В психологии существует понятие, ключевое, как представляется, для понимания природы погрома – «синдром неотреагированной агрессии».

Экономический спад и политический кризис в государстве всегда сопровождаются мощным накоплением агрессии. Именно таким было состояние общественной жизни империи в эпоху общенационального кризиса 1878–1882 гг.

Социальная и бытовая невротизация общества в эти годы достигла критической точки. Тяготы русско-турецкой войны, нерешительность верховной власти в вопросе о продолжении и логическом завершении начатых реформ, массовый террор народовольцев и многое

другое – все это внесло свою лепту в усугубление внутривластной обстановки в России на всех уровнях.

У власти (даже в отсутствие европейских политических институтов сдерживания) есть традиционный и вполне надежный защитный механизм – законы иерархии. В централизованном государстве, особенно имеющем имперское монархическое устройство, такие законы особенно отчетливо выражены и действуют в виде спускающихся сверху давлений различной силы (субдоминант). Вектор отреагирования агрессии всегда направляется вниз. Там-то он и приобретает непропорциональные размеры. Всем известно, какую неадекватную реакцию внизу иерархической пирамиды вызывает едва только нахмурившаяся державная бровь...

Именно на нижней горизонтали происходит наиболее полное, мощное и окончательное разряжение спущенной агрессии. Но вся беда в том, что у низов нет механизма отреагирования агрессии. Однако всегда имеются в наличии «козлы отпущения» (по жутковатой иронии это – образ из семитской религии, означающий объект, на который возлагается тотальная вина за собственные беды и грехи).

Кому обычно доводится выступать в этой роли? Чаще всего двум категориям. Первая – «инакомыслящие», то есть все те, кто по какой-то причине выбивается из привычных для социума традиций общежития, поведенческих стереотипов и коллективного мировоззрения (вспомним средневековую «охоту на ведьм», преследования еретиков, раскольников, или современных диссидентов). Вторая категория – так называемые «инородцы», то есть иноэтнические общности, которые существуют либо вовне, по соседству, либо анклавно, внутри социума.

Печальный факт заключается в том, что развивающемуся сообществу неизбежно сопутствует ксенофобия. Она обусловлена определенной и весьма стойкой особенностью человеческой психики, сколь

«цивилизованной», столь и «атавистической», – делить весь окружающий мир на «мы» и «они», или «свои» и «чужие». Психологи именуют это «боязнью различий» и придают данной психической особенности чрезвычайно важное значение.

«Они», «чужие» априорно наделяются всеми мыслимыми пороками и изъянами». Компактные инородные группы внутри однородного социума в любой кризисной ситуации оказываются наиболее уязвимыми, особенно если они при этом антропологически отличны от основной массы, исповедуют чуждую религию, воспроизводят особый уклад и традиции, живут изолированно, отчужденно и не расположены к бытовой и культурной мимикрии.

В критические моменты кульминаций социальной напряженности, в интересные разве что для историка «эпохи перемен», такие замкнутые общности (в данном случае, евреи) становятся удобной мишенью для отреагирования накопившейся агрессии, ощущают на себе всю силу давящего на них «коллективного бессознательного». Своего рода идеологической подоплекой при этом служит юдофобия, «оправдываемая» множеством порочащих евреев мифов, издавна и весьма прочно импринтированных в сознание народа.

В российских условиях мера конкретной вины властей в стихийных выплесках напряженности исчерпывалась лишь «суммой зол», причиненных как основной массе, так и жертвам её необузданных вспышек. А «сумма» эта была немалой: упомянем хотя бы учреждение «черты оседлости» или создание целой системы запретов на торгово-промышленную деятельность.

Логично было бы предположить, что для имперской власти, призванной сохранять социальный мир в своих многонациональных владениях, не могли быть выгодны, более того, становились опасными, стихийные и совершенно непредсказуемые погромы. Особенно – в гу-

берниях, где огромную часть населения отличала неблагонадежность и нелояльность самодержавию (как в случае с поляками, к примеру). Но все дело в том, что в погромах канализировались чудовищные «запасы» неотрагированной агрессии, той самой, которой так страшились власти, не всегда способные удержать низы от восстания.

Парадокс (впрочем, весьма удобный для империи) заключался в том, что массы, выразив в столь уродливой (как погром) форме свой социальный протест, тем самым избывали чрезмерную энергию. В результате резко занижался уровень их социальных притязаний, а сами они на время делались гораздо более податливыми и управляемыми. Наступал период затишья, и агрессивная форма антисемитизма сменялась хмурым, но пассивным юдофобским ворчанием. То есть на смену вегетирующей фазе антисемитизма приходила латентная. И так – до следующего политического или экономического кризиса, до обнаружения нового «воплощения зла»...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Этнос. Нация. Общество. Этнологический словарь. – М.1996. С.185.

2. Несмотря на чрезвычайно обширную литературу, посвященную еврейскому вопросу и истории погромов в Российской империи, многое представляется и по сей день не до конца проясненным. В 1920-х гг., когда национальными проблемами ещё дозволено было заниматься, историки подготовили обширный сборник документов по еврейским погромам (см. ниже). Сюжеты 1881 г. вошли в первый том, но само издание так и осталось незавершенным.

То и дело появлялись слухи, что вроде бы отыскан конкретный источник, указывавший на авторство грандиозной провокации. Имелась в виду деятельность тайного агента охраны, Рачковского, якобы завербованного Варшавским генерал-губернатором Ржевским. Однако никто так и не смог убедительно доказать, что истинная подоплека погромов крылась в агентурной деятельности охранительного ведомства.

Данная статья ни в коей мере не претендует на всеохватность и полноту. Задачей автора было лишь проанализировать отдельные аспекты проблемы, взглянуть на феномен этнофобии сквозь призму одного из её наиболее одиозных проявлений – погрома.

3. *Гессен Ю.И.* История еврейского народа в России. – М.1988. С.347.

4. Для того, чтобы полнее представить себе масштаб и географию погромов, ниже приводится перечень происшедших в 1881 г. (в самый разгар движения) погромов в губерниях, которые оказались вовлечены в эпицентр событий.

В одной только Херсонской губернии с 16-го по 28-е апреля произошли погромы в селениях Аджамки (или Аджанка – *Л.Г.*), Бернардовка, Высокие Буераки, Голть, Григорьевка, Грузское, Губовка, Демидово, Донино-Калилика, Каменка, Клиницы, Красный Яр, Лелековка, Субботино, Сиротинка, Струково, Плоское, Покровское, Тефтулово, Черляковка; деревнях Александровка, Антоновка, Березовка, Григорьевка, Долиновка, Егорьевка, Завадовка, Зеленовка, Каменоватка, Лелековка, Малая Мамайка, Марьевка, Миролюбовка, Катериновка, Петровка, Подклитаровка (или Поликлитаровка – *Л.Г.*), Пустополе, Саловка (или Сасовка – *Л.Г.*), Сазоновка, Черняковка; станции Знаменка; хуторе Гавриленков; местечках Березовка, Витязевка, Раснополе; городах Александрия, Ананьев (ГАРФ. Ф.102. Оп.38. Д.679(Ш). Л.1364-1364об, 1365, 1365об–1366, 1368, 1369, 1370об, 1371, 1372–1373; Д.680. Л.8,9). В мае погромная волна в губернии пошла на убыль: два погрома произошли в Николаеве (1-го и 20-го), в селе Михайловка (10 мая) и один – в Одессе (со 2-го по 7-е)).(ГАРФ. Ф.102. Оп.38. Д.680. Л.4).

Екатеринославская губерния: города. Александровск (1 мая), Верхнеднепровск (6 мая); села Благовещенка (6 мая), Алексеевка (6 мая), Васиновка (5 мая), Воскресенка, Вербовое (8 мая), Бельманка (6 мая), Гавриловка (8 мая), Елисаветовка, Камышевы (3 мая), Конские Раздоры (5 мая), Мануйловка, Новоселовка, Покровское (10 мая), Преображенка (6 мая), Софиевка (6 мая); имение Белогорье (6 мая); хутор Анновский (6 мая); станция Лозовая, еврейские колонии Межерич, Нечаевка, Трудолюбовка (6 мая), Графская, Сладководная, (7 мая), Гайгул (6 мая), Цареконстантиновка, (5–7 мая) (ГАРФ. Ф.102. Оп.38. Д.679(П). Л.1262об, 1331; Д.680. Л.86; Д.681(Ш). Л.87об-88, 89об,90,95, 96).

Полтавская губерния: села Андрушин, Поповщина (8 мая), Бобрики (7 мая и 17 июня), Скопцы, Семеновка, Иваньково, Любарцы, Матросовка (или Мартусовка – *Л.Г.*) (12 июля), Кононовка (1 августа); деревни Городище, Погорщина; мес-

течки Вороньково, Борисполь (12 июля), Березняки; города Переяслав (24 июля), Лубны (27 июля), Константиноград (4 августа) (ГАРФ. Ф.102. Оп.38. Д.679(П). Л.689, 690; Д.680. Л.27, 32, 78; Д.681(Ш). Л. 126, 127, 128, 129, 164, 230–232).

Киевская губерния: крупный погром в Киеве (27 апреля); села Васильков (28 апреля), Яблонька, Верещаки, Малое Дароселье (начало мая), Носовка; местечки Красильниково и Смела (3 мая) (ГАРФ. Ф.102. Оп.38. Д.679(П). Л.535, 555; Д.680. Л.1, 2, 12, 28; Д.681(Ш). Л.49–49об; Д.681 (IV). Л.18).

Варшавская губерния: беспорядки с 29 апреля по 5 мая, летом – драки, и погромы: Варшава (13-15 декабря), города Жирардов (7 мая), Ловеч (3 мая), Прушков (13–15 декабря).

Ковенская губерния: местечко Южинты (14 мая); деревни Марки (1 июня), Рудели (16 мая); гмины Брудно (1 июня и 13–15 декабря), Чисте (13–15 декабря), Мокотов (14–15 декабря) (ГАРФ. Ф.102. Оп.38. Д.680. Л.31, 87; Ф.110. Оп.24. Д.1247. Л.1–15, 87, 142; Д.1310. Л.13–15, 17, 20, 21, 22, 35–36, 68–69, 81–81об; Д.1310. Л.2, 13–15, 17, 44; Д.1345. Л.25, 25об).

Черниговская губерния: города Конотоп (23 апреля), Нежин (17 июля), Борзня (6-8 августа); села Подлипное, Жолдаково, Курия, Черпино, Ядловка (апрель), Шаповаловка, Сосновка (май), Дремайловка (22 июля), Пашковка, Кирилловка (23 июля); хутор Тарашев (23 июля); местечки Бровары, Ично (16 августа), Ивангород (9–10 августа) (ГАРФ. Ф.102. Оп.38. Д.680. Л.61, 81, 82; Д. 681(Ш). Л..246об; архив автора).

Сувалкская губерния: города Сувалки (12 августа), Мариамполь (20 сентября); местечко Дегуце (начало мая); деревня Пентупе (20 сентября) (гарф. Ф.110. Оп.24. Д.1310. Л.169, 266, 280, 282).

Келецкая губерния: деревня Заверцы (начало мая) (ГАРФ. Ф.110. Оп.24. Д.1310. Л.97).

Подольская губерния: местечко Жмеринка (27–28 апреля) (архив автора).

Таврическая губерния: село Малая Знаменка (17 мая), Поповка (4 мая), Малые Токмачи; город Бердянск (27 апреля), Орехов (4-5 мая), Мелитополь (начало мая) (ГАРФ. Ф.102. Оп.38. Д.679(П). Л.986; архив автора).

Курляндская губерния: город Либава (21 мая) (ГАРФ. Ф.102. Оп.38. Д.681(Ш). Л.2).

Бессарабская губерния: город Кишинев (20 апреля); местечко Тузор (6 мая) (ГАРФ. Ф.102. Оп.38. Д.680. Л.10).

Волынская губерния: деревни Волчковцы, Поляны, Голохвосты, Копачеевка, Немировцы (4–5 мая), Фридриховка (6 мая); местечко Волочиск (4–6 мая) и пять окружающих сел (Материалы по истории антиеврейских погромов... С.529–530).

Петроковская губерния: деревня Ладзинцы (23 декабря) (архив автора).

Харьковская губерния: город Харьков (29 апреля)(архив автора).

5. Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Т.П. Восемидесятые годы (15 апреля 1881 – 29 февраля 1882 г.) (под ред. Г.Я. Красног-Адмони). Пг.-М., 1923. С.XXXI-XXXII (далее: Материалы для истории антиеврейских погромов...).

6. Там же. С.276.

7. Там же. С.306.

8. Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф.102. Оп.38. Д.679(Ш). Л.1365 об–1366).

9. Там же. Ф.102. Оп.38. Д.679П. Л.968.

10. Там же. Д.680. Л.21–22.

11. Материалы для истории антиеврейских погромов... С.123.

12. ГАРФ. Ф.102. Оп.38. Д.679(Ш). Л.1354.

13. Материалы для истории антиеврейских погромов... С.9.

14. ГАРФ. Ф.102. Оп. 38. Д.679(П). Л.1368–1369.

15. Там же. Д. 679(Ш). Л.1373–1375.

16. Там же. Д. 680. Л.18.

17. Материалы для истории антиеврейских погромов... С.9.

18. Там же. С.24.

19. Там же. С.8.

20. Там же. С.7.

21. ГАРФ. Ф.102. Оп.38. Д. 680. Л.18; архив автора).

22. Там же.

23. Там же. Д.680. Л.8,9.

24. Там же. Л.4.

25. Там же. Л.26.

26. Там же. Л.1,2.

27. Там же. Д.679(П). Л.555.

28. Там же. Д.681(Ш). Л.53.

29. Там же. Ф.110. Оп.24. Д.1247. Л.142; Д.1310. Л. 13–15, 17, 47.
30. Там же. Д.1310. Л. 2.
31. Там же. Ф.102. Оп.38. Д. 679(П). Л.1331.
32. Там же. Д. 681(Ш). Л.49–49об.
33. Там же. Л.246об.
34. Там же. Л.230–232.
35. Там же. Ф.110. Оп.24. Д.1310. Л.107–108; там же. Л.90–92, 229, etc.
36. Там же. Л.87; аналогичные случаи см. там же. Л.44, 68–69,170, etc.
37. Там же. Л.19–19об, 112, 231, 245, 261, 262, 265, 275, etc.
38. Там же. Л.239.
39. Там же. Л. 97; аналогичные случаи см. там же. Л.280; Д.1345. Л.25–25об.
40. Там же. Ф.102. Оп.38. Д.680. Л.10.
41. Там же. Д.681(Ш). Л. 87об–88.
42. Там же. Д.679(П). Л.535,539,1262об; Д.680. Л.20,21; Д.681(Ш). Л.89об–90;95,96; Ф.110. Оп.24. Д.1310. Л.169, etc.
43. Там же. Ф.102. Оп. 38. Д. 681(Ш). Л.163.
44. Там же. Ф.110. Оп.24. Д.1310. Л.266, 282.
45. Там же. Д.1247. Л.1–150.
46. Там же. Ф.102. Оп.38. Д.681(Ш). Л.2.
47. Там же. Ф.110. Оп.24. Д.1247. Л. 89.
48. Материалы для истории антиеврейских погромов... С.387.
49. ГАРФ. Ф.102. Оп.38. Д.679(П). Л.541.
50. Там же. Д.681(П). Л.118–122.
51. Там же. Д. 679(П). Л.1364.
52. Там же. Д.681(Ш). Л.90.
53. Там же. Д. 680. Л.28.
54. Там же. Д. 679(Ш). Л.1370об.
55. Там же. Л.1364–1364об.
56. Там же. Л.1364, 1364 об, 1365, 1371, etc.
57. Там же. Д.681(Ш). Л.126–129.
58. Там же. Д.680. Л.12.
59. Там же. Д.679(П). Л.689,690.
60. Материалы для истории антиеврейских погромов... С.151.
61. Там же. С.213.

62. ГАРФ. Ф.102. Оп.38. Д. 680. Л.50.
63. Там же. Л.78.
64. Там же. Л.31, 61, 78, 80, 81, 82, 86, 87, 100.
65. Там же. Д. 679(Ш). Л.1372,1373.
66. Там же. Ф.730. Оп.1. Д.1618. Л.31об.
67. Там же. Ф.110. Оп.24. Д.1310. Л.81-81об; также 35–36, etc.
68. Там же. Ф.102. Оп.38. Д.680. Л.11, 12, 27, 32,81, 82, etc.
69. Материалы для истории антиеврейских погромов... С.425.
70. Там же. С.59.